

Почти целый век...

Евгению ГАБРИЛОВИЧУ — девяносто

ХОРОШО помню замечательный фильм Евгения Габриловича и Юлия Райзмана «Последняя ночь». Вспоминаю и связанный с ним маленький комический эпизод. Я был тогда студентом ИФЛИ. Один мой приятель изо дня в день стал опаздывать на лекции. Нам объявил, что снимается в фильме «Последняя ночь». Разумеется, на премьеру мы отправились чуть не всем курсом. Наш друг появился в самых первых кадрах. В компании гимназистов он произносил фразу: «А Ленка Леонтьева целоваться не умеет», — тут же схлопотав по физиономии от ее поклонников. И все? Да, все. То есть было что-то еще. Но «еще» в фильм не попало. Срезали ножницы режиссера. Надо ли говорить, какой град насмешек обрушился на голову незадачливого актера? Он стойко их перенес. Но картина ему понравилась. И нам всем тоже. Быть может, в ту пору я не смог бы так отчетливо сформулировать, чем именно. Впоследствии главное я прочитал у Габриловича: отказавшись от окаменевших моделей событий, конфликтов, готовых масок людей и ролей, авторы пошли к «отдельностям» — к отдельным людям с их судьбами, радостями, бедами, характерами, своими «капельными бурями», вливающимися в исторический ураган».

В сущности, верность этому принципу Евгений Иосифович Габрилович сохранил на протяжении своего столь долгого творческого пути. Не совершила громких воинских подвигов героиня следующего фильма Габриловича и Райзмана — «Машенька». Машенька как Машенька. Но образ этот оказался одним из поэтичнейших в ряду других, созданных Габриловичем. Сам он не раз вспоминал, как нелегко проходили схватки за отдельного человека в ту пору, когда наше искусство обречено было на постоянное заикание. Не пресловутые покорные «винтики» влекли к себе, а, вопреки строгим речам и предначертаниям, «неистребимые особи в каждом человеческом характере».

Ему посчастливилось встретить в кинематографе соратников и единомышленников — первоклассных режиссеров Ромма, Райзмана, Юткевича и совсем еще молодых, в пору их первых дебютов, Панфилова и Авербаха. Но можно ведь сказать и так: каждому из них посчастливилось сотрудничать с замечательным мастером, который был и остался убежденным противником всяческих киноподелок и полуфабрикатов, неких подспорий к экрану. Ему хотелось, чтобы собственные его сценарии отвечали высоким меркам литературы,

всем требованиям, предъявляемым к хорошей писательской книге. Короче говоря, были бы книгами, написанными в форме сценариев. И тут он был настойчив и последователен.

Габриловича называют кинематографическим писателем. Это верно. Кто, как не он, помогал сблизить хорошую литературу с хорошим кинематографом. И вообще кинематографическое признание он завоевал, пройдя многотрудную школу литературы. Габрилович был и остается превосходным прозаиком — автором повестей, рассказов, эссе, на мой взгляд, еще недостаточно оцененных литературной критикой, уступившей кинематографу право безраздельного владения Габриловичем-писателем. Легко убедиться, перечитав его автобиографическую книгу «Четыре четверти», как своеобразно сочетаются здесь по форме, стилю, жанру талантливый прозаик и кинодраматург. Его же — повесть, киноповесть, мемуары, портреты современников, написанные с любовью и благодарностью, размышления о мастерстве, о трудных поисках пути в искусстве. И то, и другое, и третье. Но прежде всего превосходная проза.

Трудно назвать, перечислить все сделанное Габриловичем-кинодраматургом. Называю с пропусками, пробелами, пожалуй, самое главное. Иначе короткая эта статья превратилась бы в один сплошной перечень. После «Последней ночи» и «Машеньки» — «Мечта», «Убийство на улице Данте», «Человек № 217», «Два бойца», «Твой современник», «В огне брода нет», «Монолог», кинематографическая кинолениниана. Ему — девяносто. Отмахал почти целый век. И какой трудный век, переменчивый, насыщенный трагическими событиями, провалами и подъемами! Но всегда он стремился остаться самим собой. В конце брода нет, «Четыре четверти» Габрилович написал: «Успех приходил ко мне не тогда, когда я кружился в потоке заманчивых тем и предложений радужных, а когда искал в искусстве СВОЕ».

Когда пытался понять и быть честным».

«На этом, — добазил он, — наверное, надо поставить точку». С тех пор, когда были написаны эти строчки, прошли годы. Но точку он так и не поставил. Были новые статьи, книги, сценарии. Да и сегодня в день прекрасного юбилея надо ли ставить точку? И если он даже говорит и думает так, то поступает, действует совсем по-иному! И слава богу! Здоровья Вам, дорогой Евгений Иосифович, здоровья и сил!

Б. ГАЛАНОВ

